

Глобус информ

ОТ РЕДАКТОРА

*«Наш невесел разговор и не ко времени.
Ах, как будто бы ко времени беда!
Мы так много заплатили за прозрение,
Что, пожалуй, обнищали навсегда...»*

Юрий Визбор

Мне было трудно собраться с мыслями и силами, чтобы написать эту статью. Так хочется говорить о чём-то позитивном, чтобы наша газета дарила вам, дорогие читатели, только хорошее настроение и добрые новости. Но к сожалению трагические события, произошедшие в Израиле 7 октября, перевернули привычный уклад нашей жизни. В Израиле объявлена война. Она началась утром с массированных ракетных ударов террористов из сектора Газа, боевики движения ХАМАС ворвались на территорию Израиля. Это было жестокое бесчеловечное нападение на мирных жителей в кибуцах; на молодёжь, собравшуюся на музыкальном фестивале; кровавый захват заложников. Беспрецедентная жестокость потрясла всех. Одно дело, когда воюют солдаты, совсем другое – когда целенаправленно убивают стариков, женщин и детей в их домах. Количество погибших мирных жителей стало настоящим шоком. В ответ Израиль наносит авиаудары по сектору Газа, при этом давая мирному населению время на эвакуацию в безопасные районы. Планируется наземная операция.

В первые дни весь мир поддержал Израиль, ведь это на него напали и безжалостно убивали беззащитных людей, выкладывая все эти зверства в Интернет. Поражает чудовищность злодеяний. Почему же теперь всё чаще проходят демонстрации и звучат лозунги за свободу Палестины и поддержку ХАМАС?! Что это – очередной виток антисемитизма?

Я не политик, и может быть многое не понимаю, но не могу отстранённо рассуждать на эту тему. Слишком больно. У многих из нас в Израиле живут родственники, друзья. Сердце разрывается от всех этих новостей.

Мне попались на днях на просторах интернета стихи и как-то зацепили за душу. Автор – Алеся Синеглазая (https://t.me/s/stihi_alesi?before=666):

*«Мир на нитке висит, покосившийся весь,
Может, завтра сорвётся под грузом обид,
Но пока в людях что-то хорошее есть,
Всё же хочется верить, что он устоит...»*

Очень хочется верить!

А жизнь идёт своим чередом. Светит солнце или шумит дождь, облетают осенние листья... И газета наша должна выходить регулярно каждый месяц, что бы там в мире не происходило. Читатели ждут её и спрашивают, если она задерживается по не всегда зависящим от нас причинам. А значит, надо просто делать своё дело и верить в то, что это кому-нибудь нужно.

Ирина Константинова

Демонстрация солидарности

17 октября во вторник вечером в Хемнице перед ратушей около 500 человек почтили минутой молчания память израильтян, убитых террористами ХАМАС. Общая скорбь, надежда на мир, а также чёткие требования к политикам – такая атмосфера царила в этот вечер на митинге. Для обеспечения безопасности были задействованы более 200 полицейских со всей Саксонии. В такие минуты чувствуешь единство, когда абсолютно незнакомые люди, держа в руках израильские флаги, застыли в молчании и скорби, выражая свою солидарность с Израилем. С разных сторон доносились слова: «Сейчас мы должны быть сильными».

Конечно должны! И мы сильны тем, что нам пришлось пережить, и тем, что мы переживаем сейчас.

Я смотрела и думала: почему? Мой дед пёк халы при Петлюре, просил Б-га о немножечко Мазл (счастья), немножечко Глюк (удачи). Мама, как и другие дети войны, пережила все тяготы эвакуации.

Да когда же уже конец этому?!

Неужели нет ответа на этот вопрос?

У почти каждого из нас в Израиле есть кто-то, за кого у нас болит душа. Но все – и они, и мы должны быть сильными. Должны, есть и будем!

Звучали взволнованные выступления. Студент Технического университета Хемница Амит Байда прочитал традиционную еврейскую заупокойную молитву Кадиш.

Депутат Бундестага из Хемница Франк Мюллер-Розентритт (СВДП) подчеркнул в своей речи, что ответственность за жесткое военное противостояние несёт не Израиль, а только ХАМАС: «Сейчас мы должны быть сильными и стоять на стороне Израиля».

Генеральный секретарь Саксонского ХДС Александр Диркс, инициатор создания двухпартийного круга друзей Израиля в Саксонском ландтаге, призвал жителей Хемница проявлять солидарность с Израилем не только на митингах, но и в повседневной жизни. Нападение на Израиль – это нападение на открытое демократическое общество. Требование «Никогда больше!» должно быть воплощено в жизнь каждый день, считает Диркс.

Недавно прочла слова автора, которого не запомнила:

*Капля крови тяжелее,
Чем удары всех ракет.
Пусть останутся евреи
Вдалеке от страшных бед.
Мальчик, что в песке играет,
Для арабов стал врагом...
Детство мы не выбираем
Сохрани, Господь, свой дом.*

Людмила Берибес

Стихи, как музыка души
Поэтический вечер
«Серебряный век. Любимое...»

Если поэзию Серебряного века представить в виде многотомника, то мы на нашей диалоговой встрече 25 октября смогли приоткрыть всего лишь одну страницу в «тот мир очарований, в тот мир из серебра». Наш зал, где проходил «Диалог», превратился в этот вечер в поэтический салон начала XX века. Царила особая атмосфера душевности и лиризма.

Всепроникающая магия слова... Декаданс... Символизм... Футуризм... Имажинизм... Акмеизм... Модернизм... Слова мелькают как в калейдоскопе, словно соревнуясь в таинственности, избранности, унося нас назад, в прошлое...

Кончался XIX век, «золотой век» русской литературы, началось XX столетие. Это переломное время породило великий взлёт русской культуры, когда появились стихи В. Брюсова, А. Блока, И. Анненского, К. Бальмонта, А. Ахматовой, Н. Гумилёва и других замечательных поэтов.

Начало XX века дало такое количество необыкновенно талантливых поэтов и писателей, что их число можно было бы сравнить с россыпью звёзд на чёрном бархате ночного неба.

Они были полны надежд, мечтаний, чаяний — эти молодые люди, гордо именовавшие себя поэтами, пророками, витиями. Собирались вместе, спорили до хрипоты о судьбах России и литературы, о великом предназначении поэта. Рассуждали о всеобщем Разуме, о Добре и Зле, о справедливости и любви,

о Прекрасной Даме... И им казалось, что новый век будет удивительным и неподражаемым, что всё сбудется, всё изменится, всё состоится. Никто тогда ещё не знал, каковы будут их собственные судьбы, сколько разочарований, бед, потерь ждёт их на этом пути, когда они столкнутся с реальной жизнью. Но предвидение, предчувствие этого звучит в их стихах, тревожит душу. Почти никому из них

не дано было дожить до полного признания своего творчества.

Мы собрались, чтобы поговорить об удивительном этапе русской литературы — поэзии Серебряного века. Его блеске и его трагедии, неопенимом вкладе поэтов этого периода в сокровищницу мировой культуры.

На нашем «Диалоге» звучали стихотворения как известных, так и незаслуженно забытых поэтов. Марина Цветаева, Рюрик Ивнев, Наталья

Крандиевская-Толстая... Каждый из них оставил свой неповторимый след в литературной летописи, название которой «Поэзия Серебряного века», подарив нам свой поистине божественный поэтический дар.

И пусть за один вечер мы не смогли рассказать обо всех поэтах, отмеченных серебряным светом начала XX века. Но мы попытались окунуться в атмосферу их творчества, в глубину этой утончённой лирики. И ощутить удивительный душевный мир тех, чьи судьбы наиболее характерны для той эпохи.

15 ноября мы продолжим это увлекательное путешествие в поэзию Серебряного века и приглашаем к нам на «Диалог» всех, кому это интересно.

Ирина Константинова

Волейбол – ты наша вера и любовь!

*«Волейбол – не только спорт, а это значит
Хоть умри, но мяч прими и не иначе.
Волейбол – игра умов, волейбол – здесь пот и кровь,
Волейбол – ты наша вера и любовь!»*
<https://m.teksti-pesenok.pro/4/Gimn-voleybola/tekst-pesni-Zdes-kajdyu-znaet-kakim-byvaet-voleybolnyy-match>

В октябре произошло спортивное крещение двух новых волейбольных команд: взрослых «мальчиков и девочек» – «Textima/Ukraine» и молодёжной команды «Integra SPORT/Jugend» в первенстве города по волейболу.

Команда «Textima/ Ukraine»

Команда «Integra SPORT/Jugend»

Хемницкая городская любительская лига – одна из самых массовых и продвинутых в Германии. В сезоне 2023-24 в трёх городских лигах (мужская, смешанная и женская) принимают участие 51 волейбольная команда.

Волейбол как бесконтактный вид спорта является наиболее эффективным средством интеграции в спортивное сообщество и общественную жизнь Германии.

*За что же любят волейбол? Не скажешь внятно.
Одни вбивают мячик в пол, а всем приятно.
Мне говорил чудака один (таких не мало),
Мол, волейбол – игра для интеллектуалов.
Мол, силовой борьбы в нём нет, конфликты – редки.
Мол, весь контакт не тет-а-тет, а из-за сетки!
Ну а у нас особый взгляд на это дело,
Ведь волейбол – это парад души и тела!*

Владимир Таранов
http://www.admobninsk.ru/netcat_files/File/13-2004.pdf

Мы желаем обеим нашим командам успешного выступления, повышения уровня мастерства и сезона без травм и болезней.

А также для усиления молодёжной команды приглашаем любителей волейбола с игровым опытом.

Игорь Шемяков
Тел./ WhatsApp: 0179-7061587

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГОСТИНАЯ

*Предлагаем вашему вниманию новое
лирическое стихотворение Амалии
Клинк.*

Я люблю тебя просто так...

*Я люблю тебя просто так,
Как рассвет, как небо, закат.
Я люблю тебя как листву,
Как поляну цветов, весну.
Мои мысли летят, летят,
Путь к тебе через сотню вёрст,
По щеке тебя гладить хотят
Ветерком, освежающим в рост.
Невозможно вернуть рассвет,
Что багровой вуалью лёг,
Дождь, что выплакал слёзы все,
Стать счастливым всё же не смог.
А как можно вернуть тропу,
Уводящую в чащу лесов?
Или песню скворца поутру
И росу, что исчезнет вновь?
Как поток моих мыслей пресечь,
Что летят и несутся к тебе,
Чтоб дыханьем обнять и сберечь
От невзгод и тревог в сентябре?
Это просто простор души
Суется, ведь не прошло
Это тёплое чувство внутри,
Этот свет, что вспыхнул давно.
А твой взгляд, я вижу, грустит,
Что не верил в судьбу, оттого,
И возможно ли всё вернуть,
Что давно травой поросло?*

Амалия Клинк

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шавевич

Истории от доктора

Отделение

— Доброе утро, коллеги! — заведующая отделением Светлана Александровна Бондаревская вошла в кабинет деловой и энергичной походкой женщины, знающей себе цену, и ожидающей того же и от окружающих. Лицо её светилось неизменной доброжелательной улыбкой человека, у которого в жизни всё хорошо, а иначе и быть не могло. Выглядела она, как всегда, неотразимо: лёгкий, почти незаметный макияж, свежий накрахмаленный халат с легкомысленным вырезом на груди и удивительный запах духов, её особенный запах, от которого веяло несбыточными мечтами о дальних странах и романтической любви, — Семён Львович, докладывайте, что у нас сегодня по плану.

— Доброе утро, Светлана Александровна, — молодой человек всегда слегка робел в присутствии заведующей, стараясь скрыть «мужской» взгляд в разрез халата, — сегодня приняли тридцать семь человек. Четыре первобеременные, две возрастные, три на двенадцатой неделе и одна в позднем сроке по медицинским показаниям. Анестезиолог женщин осмотрел и дал всем добро.

— Отлично. Спасибо. Значит так: Ольга Николаевна, Вы поговорите ещё раз с первобеременными, может кого-то ещё удастся переубедить. Семён соберёт подписи о согласии на операцию, и начнём ровно в девять. У меня своих сегодня две. Сколько у Вас, Ольга Николаевна?

— Четыре. И я возьму женщину в позднем сроке, — старший ординатор отделения была немолодой грузной женщиной, дорабатывающей пару лет до пенсии. Она была не очень здорова, медлительна и слегка старомодна, зато её опыт и деловые качества ещё послевоенной закалки были бесценны и востребованы в этом особом отделении.

— Хорошо. И пусть коллега с Вами поприсутствует и поучится. Первобеременных тоже делайте вместе с ним. А оставшиеся, Семён Львович, сколько их там, около тридцати, Ваши. Я на подстраховке, если что. Всё, пошли работать. Отчёт за день, как всегда, в три. Кстати, мне принесли настоящий бразильский кофе, попьем вместе на передаче смены. И конфеты «Птичье молоко» где-то лежат. Так что, пошikuем.

Светлана Александровна стала заведующей централизованным городским отделением прерывания беременности всего несколько месяцев назад, когда новая клиника только вступила в строй. Придумал, инициировал и пробивал открытие этого необычного подразделения, а также решал все организационные вопросы по его созданию лично Сергей Анатольевич Бондаревский — главный гинеколог областного управления здравоохранения. Такое отделение запускалось в работу впервые в стране. В конце восьмидесятых это был очень рискованный эксперимент и большая ответственность, но новаторство давало хорошие перспективы и возможные преференции в случае успеха. Это отделение являлось его первым собственным детищем, на которое возлагались большие надежды «родителя».

Нет, коллеги Бондаревские не были ни супругами, ни родственниками, хотя все и всегда почему-то так считали. Просто однофамильцы и очень хорошие давние друзья, ещё с институтских времён, когда их тоже, наверное, считая за родственников, распределили в одну группу. Тогда все даже подтрунивали над ними, что мол выйди Светка за Сергея замуж, то и фамилию менять не пришлось бы. Да и жених он был завидный. Родители — профессора в институте со всеми

вытекающими возможностями и привилегиями: квартира в центре, новая «Волга», дача за городом. Полный набор жениха для любительниц удобной жизни и хорошего распределения. Но Света тогда совершенно не обращала внимания на длинного худого интеллигентного юношу в очках, который в её присутствии робел, начинал что-то бессвязно мямлить, краснеть и смущаться. Одна из самых привлекательных девушек на курсе могла позволить себе выбирать поклонников и воздыхателей не только из студентов, но и принимать знаки внимания от значительной части преподавателей института мужского пола. Сама Светлана была из обычной учительской семьи, приехала поступать из маленького провинциального городка, с неба ей никогда и ничего в руки не падало, и всего в жизни приходилось добиваться самой. Своими силами, умом и нередко, чего уж греха таить, женской привлекательностью со всеми вытекающими. А неуклюжего и малопривлекательного молодого человека, несмотря на все возможные блага, не считала пределом своих девичьих мечтаний и карьерных надежд.

Ходили слухи о её благосклонности ко вниманию некоторых высокопоставленных преподавателей института, вплоть до мужа самого ректора — заведующего военной кафедрой, но толком никто ничего не знал. А жена Цезаря, как известно, вне подозрений.

Годы учёбы пролетели быстро, наступило время распределения по местам будущих трудовых подвигов и профессиональных свершений. После института Сергей ожидаемо сразу поступил в аспирантуру на кафедру акушерства и гинекологии, а Светлана, получившая ту же специальность, хоть и могла остаться в городе, ей обещали и даже сверху предлагали неплохое место, но она неожиданно для всех вдруг решила пойти в народ и отправилась на пару лет в какой-то отдалённый районный центр. Поговаривали, что уехала она в глушь как декабристка по большой и страстной любви, внезапно вспыхнувшей к одному женатому хирургу из районной больницы в какой-то «Гмутаракани», но все подробности тогда остались за кадром. Однако через несколько лет она вернулась в родной город. Со следами «боевых ранений» и слегка притухшим взглядом, но не сломленная и такая же красивая и гордая, как всегда. И вскоре была, хоть и без особых усилий, но всё же и не без влиятельных рекомендаций старинных поклонников, зачислена в клиническую ординатуру на ту же самую кафедру акушерства и гинекологии медицинского института. Бывшие сокурсники и однофамильцы снова встретились. Правда Сергей, уже ставший кандидатом наук и доцентом, был женат и, казалось, благополучен и счастлив. Выяснилось, что Света тоже успела за это время в своей «ссылке» выйти замуж и даже развестись. А в настоящий период в личной жизни скользила в опасном и непростом слаломе между несколькими мужчинами, которые, впрочем, не играли решающей роли в её дальнейших планах на жизнь. Судьба её потрепала, многому научила, но не сломила. Быть красивой и одновременно сильной женщиной — нелёгкая доля.

Заведующий кафедрой акушерства и гинекологии мединститута профессор Холодных, корифей и светила советской науки, ученик самого Цовьянова, благоволил по-стариковски Светлане, и после окончания ординатуры через два года оставил перспективную девушку ассистентом у себя на кафедре. К тому же симпатичное женское личико рядом с заведующим никогда кафедре не мешало. Через пару месяцев она начала под его руководством писать кандидатскую, преподавать студентам и считалась в клиническом роддоме неплохим хирургом-акушером.

Сложности начались, когда кафедру принял профессор Жестяков — молодой, амбициозный с далеко идущими планами. Он «вырос» на глазах у сотрудников из обычного аспиранта до заведующего за необычно короткий срок, даже как-то незаметно для всех. Из

невысокого, занудного и почти неприметного очкарика-тихони превратился во властного и не терпящего инакомыслия руководителя. В бытность его предшественника он числился обычным доцентом, каких много, и не входил в круг людей, которых на кафедре уважали и к которым тянулись. Его не звали в компании, не приглашали на посиделки и загородные пикники сотрудников. В общем, в «элитарный клуб» на кафедре он не входил. Иногда молодой человек пытался оказывать робкие знаки внимания Свете Бондаревской, но всё как-то невнятно и неопределённо. То ли пытался ухаживать, то ли делал вид, но серьёзно это не воспринималось. Нередко случалось, что над ним даже подтрунивали и по этому поводу, да и вообще. А он, казалось, не обращал ни на что внимания и тихо без устали трудился. Писал научные статьи, делал доклады на конференциях, готовил собственный учебник – короче, собаки лают – караван идёт. Как он стал заведующим, толком никто не понял, но кандидатуру молодого учёного приняли в ректорате без колебаний, поставив сотрудников кафедры перед свершившимся фактом.

Став шефом, он не простил Светлане её не всегда уважительного и должного отношения к нему, не говоря уже об ущемлённом мужском самолюбии, и... нет, он не уволил её с кафедры. Жестяков сделал хуже и по-своему иезуитски: сначала отменил тему диссертации девушки, как не соответствующую направлению современного научного развития, и дал совершенно новую. Тем самым она потеряла три года работы и практически законченную кандидатскую, не говоря уже о потраченной уйме сил и нервов. Затем её перестали ставить в график в операционной и не давать дежурства в родзале. А вскоре забрали почти все часы преподавания в студенческих группах, поставив на замены заболевших или для работы с неуспевающими.

– Светка, тебе надо срочно что-то решать. Так больше продолжаться не может, – Сергей Бондаревский, хоть и числился ведущим доцентом кафедры и относился к когорте «неприкасаемых», но с новым шефом тоже общий язык не нашёл и потому, к сожалению, Светлане помочь ничем не мог. Открытых конфликтов между ним и Жестяковым не возникало, но в операционной он тоже был не частый гость. Хотя, по правде сказать, Сергей всегда тяготился практической работой, стараясь больше времени уделять науке и преподаванию. Там проявлялись его сильные стороны. Он был очень любим студентами, молодыми аспирантами и ординаторами, на его интересные и яркие лекции всегда собиралась полная аудитория. Но вот с новым заведующим кафедрой не сложилось. Разное воспитание, разный путь наверх, разные характеры. Поэтому предложение министерства здравоохранения в своё время занять престижную и весомую должность главного гинеколога области принял с радостью, закрепив за собой через ректорат работу на полставки на прежнем месте, продолжая при этом преподавать и заканчивать докторскую. Вступать в открытое противостояние с профессором Жестяковым он не решался. Тем более из-за Светы. Зачем?

На кафедре они были всегда очень дружны. Иногда Сергею даже казалось, что он по-прежнему испытывает какие-то чувства к бывшей сокурснице, и, как раньше, начинал теряться, оставаясь с ней наедине. Но он был из тех несмелых в подобных делах мужчин, которые никогда не могут решиться на первый шаг. И, тем ни менее, всё происходящее с подругой воспринимал близко к сердцу и искренне ей сопереживал. Вызов к заведующему кафедрой в конце рабочего дня не

предвещал ничего хорошего, но, может, будет возможность наконец-то поговорить. Света приготовилась ко всему. И была удивлена присутствием Сергея в кабинете.

– Я знаю, слышал, что Вы, Светлана Александровна, недовольны сложившейся ситуацией с вашей профессиональной карьерой и даже часто высказываете свои претензии среди коллег вслух, – профессор Жестяков говорил как всегда сухо, тихо, без интонаций, не глядя в лицо собеседника, – не хорошо обсуждать своего начальника, да ещё и за его спиной. Однако, я не в обиде. Мы тут посоветовались с коллегами и решили, что смена места Вашей профессиональной деятельности пойдёт всем на пользу. И в первую очередь Вам. К тому же, вот Сергей Анатольевич как главный областной специалист хотел бы сделать Вам предложение, от которого невозможно отказаться. Да я бы и не советовал, – он улыбнулся одними губами, а глаза по-прежнему выражали холодное опасное безразличие, – ну, что ж, оставлю Вас одних, коллеги, можете поговорить наедине и всё обсудить. Всего доброго. Надеюсь, Светлана Александровна, Вы примите разумное решение. Уходя, не забудьте выключить свет и закрыть за собой дверь.

Он вышел, не повернувшись, а в комнате воцарилась напряжённая тишина.

– Светка, в общем, тут такое дело: короче, он предлагает тебе позволить защититься со старой диссертацией в ближайшие месяцы, – Сергей выдохнул и сделал небольшую паузу, чтобы дать переварить услышанное, – мешать не будет, но, при условии..., что ты уходишь с кафедры. По собственному желанию и без скандала. Знаешь, мне кажется, в сложившейся ситуации это просто праздник невиданной щедрости с его стороны. Даже не верится. Через месяц ты – кандидат наук! Но главное, у меня есть идея, куда тебя устроить. Пойдёшь заведующей отделения в новый роддом на Планетарке?

– Постой, а не предлагаешь ли ты мне, друг любезный, идти в отделение абортотомии?! Ты с ума сошёл?! – Светлана кричала не выбирая слов. – Предатель! Я от тебя такого не ожидала. За моей спиной всё решили? А меня спросить забыли? Друг называется! Да я там на одних абортах через полгода с тоски удавлюсь! Я врач, хирург, а не мясник! Я хочу роды принимать, а не убивать детей!

– Успокойся и пойми. Это шанс, – Сергей не покраснел, как обычно в её присутствии, и даже не стал заикаться, – он тебя всё-равно выдавит с кафедры. Но без защиты диссертации, без звания. И без рекомендаций. И что тогда? Опять в районную больницу делать те же самые абортотомии, но по колено в навозе! А тут – новое отделение в только что построенном роддоме. Главный там – классный мужик. И хирург отличный. Я с ним поговорю, ты с ним сработаешься. Пару лет погорбатишься в абортотомии, а потом... Эх, Светка, да через два-три года, когда себя проявишь, тебе место заведующей нормальным отделением гарантировано. А то и главным врачом. С защищённой кандидатской это намного проще. Да и я помогу, что я не друг что ли?! Решайся. Завтра он может передумать. А сейчас он мне это лично предложил. Значит трусит и заинтересован, чтобы всё решилось по-быстрому и тихо, без скандала и огласки. А идти с ним на абортотомии я бы не стал. Небезопасно. У него серьёзные связи на самом верху, у тебя в борьбе с ним нет шансов. Да и я помочь не смогу. Подумай и решайся. Поверь, принять моё предложение – это будет правильный выбор.

Старший ординатор отделения прерывания беременности Ольга Николаевна Ургалова никогда не была особенно честолюбива. Звёзд она с неба не хватала, но хорошо знала своё дело. Ей пришлось изрядно побегать, чтобы получить врачебное место в этом отделении. Помогло давнее знакомство с матерью главного врача Коломоева. Отделение абортотомии – место особенное, всё-таки без

дежурств и операционной нервотрепки в её возрасте – это привилегия. Да и пару лишних рублей со стороны были никогда не лишними. Спасать мир доктор уже не стремилась и спокойно дорабатывала оставшиеся два года до пенсии. На неё можно было всегда положиться и доверить любое дело с уверенностью, что она его сделает до конца. Без полёта мысли и изобретения колеса, но сделает. Просто и эффективно, от «а» до «я». Не больше, но и не меньше. Именно такой человек нужен был Светлане Александровне в отделении. Помощник, которому можно было довериться с абсолютной уверенностью, что всё будет исполнено и никто не будет болтать о происходящем в отделении на весь мир.

Сегодня Ургалова пребывала в хорошем настроении. Четыре блатные, то есть по личной договорённости, значит сорок рублей сверху. Четыре рубля из них – в общую копилку на расходы в отделении, четыре – медсёстрам, восемь – анестезиологам, остальные себе. Что ж, двадцать четыре рубля за один день – это неплохо. К тому же, позитивный настрой добавляло то, что ей всё-таки удалось отговорить эту молоденькую первобеременную девочку из пединститута. Поговорили по-матерински, как женщина с женщиной, даже всплакнули вместе. Девочка всё рассказала как матери, и она убедила её оставить ребёнка. Для себя. Не для того подонка, который бросил беременную девушку. А для себя, и ради жизни этого маленького человечка, появившегося у неё там, внизу живота. Остальных переубедить не удалось. Жаль. Она ещё поговорила с женщиной в позднем сроке, рассказала как всё пройдет и успокоила как могла. Затем позвала интерна, поручила продолжить подготовительный обход, а сама отправилась завтракать.

Семён Львович или просто Сеня в прошлом году с успехом закончил медицинский институт по специальности «акушерство и гинекология». Распределение он получил, как и полагается без блата и с его пятой графой, в отдалённый районный центр, а сейчас проходил подготовительную интернатуру на базе нового роддома. Мальчик был толковый и исполнительный, и главный врач направил его в помощь заведующей отделением Светлане Александровне.

Попадание в группу по специальности акушерство и гинекология было случайным. Вообще-то, Семён все институтские годы мечтал стать только полостным хирургом. Работал медбратом в гнойной хирургии, активно занимался в студенческом кружке, постоянно вращался на кафедре. Но, на его еврейское счастье, в том году на эту специальность дали из министерства всего десять мест. И это на шестьсот выпускников. Так что получилось двадцать человек на место, и конкурс таким образом оказался даже среди блатных. Профессор, заведующий кафедрой хирургии, сразу честно сказал, что шансов у него нет и пусть он не теряет время и подаёт заявление куда-нибудь ещё, а не то трубить ему по остаточному принципу участковым терапевтом какой-нибудь районной больницы.

Мир Семёна рухнул в одночасье. Представить себя вне хирургии он не мог, да и не хотел. Казалось, любая другая специальность – это и не медицина вовсе. Но тут вмешалась его мама, женщина мудрая и дальновидная, и посоветовала попробовать поступить в акушерство и гинекологию.

«Нет ничего прекраснее, чем иметь право присутствовать при самом священном действии на этом свете – рождении нового человека, – мама, учитель литературы, была не лишена патетики, – да и оперировать там распрекрасно можно».

Конкурс на гинекологию был тоже не самым весёлым: восемь человек на место. А, если не считать блатных, то и все двенадцать.

На собрании кафедры по распределению были составлены три списка: в первом – те, кого зачислили сразу и без собеседования: блатные, комсомольские деятели и «афганцы». Во втором – резерв, на случай, если останутся свободные места. Ну, а третий – для тех, кто сумеет выжить в случае, когда на первые две группы упадёт атомная бомба и все погибнут, освобождая места. То есть, без каких-либо шансов вообще. Семёна определили в третью. Земля разверзлась у него под ногами в очередной раз. Но... не поглотила. Он понял, что терять уже нечего, участковым терапевтом он станет всегда, и внезапно, в самом конце мероприятия, попросил слово.

«Извините меня за прямоту, но я вообще-то не хочу быть гинекологом. И никогда не хотел. Но я мечтаю оперировать. В хирургию я не попал, а у вас ведь тоже можно делать операции. Пожалуйста, возьмите меня».

В президиуме сотрудники кафедры, да и активные комсомольцы в зале, все пренебрежительно засмеялись, зашумели и не обратив на его демарш внимания, стали собирать бумаги, закрывая собрание.

«Уважаемые коллеги. А знаете, мне нравится этот парень. Первый за весь вечер, кто решился сказать правду. А то я тут болтунов, которые гинекологию «любят больше жизни», наслушался предостаточно, аж уши болят. Как хотите, а я беру этого правдолюбца в свою группу сверх нормы», – тон и бас профессора Судовича – человека с заслуженным военным и профессиональным прошлым, заместителя заведующего кафедрой, не предполагал возражений. Так Семён, закончив институт, стал на время интернатуры начинающим врачом-гинекологом в отделении абортот.

Сегодня он обошёл, как обычно, всех женщин, собрал подписи, ещё раз объяснил ход операции и ровно в девять стоял в операционной.

Система их работы называлась «ромашкой». Так они сами придумали, назвав особое расположение кресел, образующих круг. Внутри «цветка» перемещался врач-анестезиолог с медсестрой и делал одновременно внутривенный наркоз нескольким женщинам. А снаружи работали гинеколог с операционной сестрой, выполнявшие всё необходимое.

Начинали день с «личных» пациентов заведующей отделением. Она быстро оперировала «своих, приближённых к императору», и уходила. Затем «своих» работала доктор Ургалова. Всех оставшихся оперировал Семён. Иногда двадцать человек, иногда до сорока. Бывали дни, когда в городе с почти двухмиллионным населением в день производилось до семидесяти прерываний беременности. Тогда подключались все коллеги, иногда даже приходилось вызывать сотрудников из других отделений. Но такое случалось, к счастью, нечасто.

Многим после аборта ставили внутриматочные спирали. Бесплатные советские. Или финские медные за деньги – тем, кто мог себе позволить. Однажды главврач Коломоев привёз с симпозиума из-за границы две сотни венгерских спиралей – это был праздник. А ещё он договорился со спонсорами где-то в Китае о доставке трёх тонн презервативов, и их раздавали всем женщинам после аборта бесплатно. Каждой по пять штук.

Осложнения в отделении случались, но крайне редко. Коллектив был хоть и небольшой, но работали дружно, не собачились и давали каждому немного заработать. Всё было хорошо организовано, и работа, несмотря на тяжёлую психо-эмоциональную составляющую, доставляла удовольствие. Кто-то же должен делать и эту работу. Со временем появились «блатные» и у Семёна Львовича. Но не часто и не много. Да и он старался не злоупотреблять, не выпирать и не светиться. А больше наблюдать и учиться.

Ваш доктор Шаевич

Продолжение в следующем номере

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА

Здравствуйте, мои дорогие читатели! Осень – время устроиться в кресле поудобнее, взять томик любимых стихов и наслаждаться! А что выбрать – бунтарские стихи, которыми окна можно разбивать, или элегантные, тонкие, акварельные – это вам решать. Берём первую книгу из нашей стопки.

Максимилиан Волошин «Жизнь – бесконечное познание»

Начнём с энергичных волошинских строк про осень:

*Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьётся в пляске
Красный лист –
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,
Веток свист.*

В мои лапы эта книга попала давным-давно, золотой осенью, и загипнотизировала меня крымскими мотивами. Для меня Волошин и Крым – это «близнецы-братья», его стихи о Крыме похожи на витражи, где много сочных цветов:

*Отливают волны розовым гляncем,
Влажные выгибая гребни,
Индевет берег солью и сланцем,
И алеют щебни.
Скрыты горы синью пятен и линий –
Переливами перламутра ...
Точно кисть лиловых бледных глициний,
Расцветает утро.*

А если вам по вкусу борьба, революция – вот страшные и вечные слова:

*В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами, -
В чём
По существу нет разницы.*

Или про выборы:

*А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного, -
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
оклеветать противника...
Поэтому парламентским вождём
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.*

Для меня такой разносторонний и многогранный Максимилиан Волошин – это космос, в его стихах можно найти всё. Наслаждайтесь!

Берём книгу вторую из стопки. Спокойствие, естественность, юмор, глоток свежей воды –

Тимофей Белозёров «Подснежники»

Моё знакомство с Тимофеем Белозёровым состоялось в детстве. Тоненькая, яркая книга сразу раскрылась на странице, где рядом с прекрасной, печальной Снегурочкой, обнимающей березку в весеннем лесу, были необыкновенные стихи:

*Плакала Снегурочка,
Зиму провожая.
Шла за ней печальная,
Всем в лесу чужая.
Там, где шла и плакала,
Трогая берёзы,
Выросли подснежники -
Снегурочкины
Слёзы.*

И началась любовь на всю жизнь... Тимофей Белозёров подарил детям сказочных героев, например доброго Плакунчика, который помогает и людям, и зверюшкам пережить горе и боль, поплавав с ними вместе. Мне ещё нравится лесная

Бука, на плечах которой сидят совы, и которая грустит и мечтает о внуке или внучке. Она украла мальчика в деревне и уже было обрадовалась, а он оказался таким капризным озорником, что она с радостью вернула его обратно! У Белозёрова много красивых стихов о сибирской природе, о животных. И добрый юмор, как например здесь:

*А что? Мне нравится хомяк!
И глазки, и фигурка.
И домосед он, и добряк,
И загляденье – шкурка!
А что за щёчками слегка
Оттянуты мешочки –
Так ведь в норе у хомяка
И сыновья, и дочки!*

Или когда утром я просыпаюсь от звонка моего будильника, то часто вспоминаю:

*Звонкое утро
Нам дарят будильники,
А получают от нас
Подзатыльники!*

Жаль, что некоторые поэты, да и писатели позабыты, на мой взгляд, совершенно незаслуженно... А давайте мы с вами их вспомним, достанем с книжных полок их замечательные книги, которые принесли в своё время столько радости читателям! Я уже предвкушаю восторг, который почувствую, рассказывая вам о книгах очередной подборки.

До встречи!

Ваши Горыныч-Книгочей

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «ГЛОБУС»

ПРИГЛАШАЕТ

по вторникам

с 13:00 до 13:45

(для продолжающих обучение),

с 14:00 до 14:45 (для начинающих)

**на курсы немецкого языка
для старшего поколения.**

Занятия проводит **Клаус Гёрнер**

Praxis

**Геннадий Шаевич
врач
акушер-гинеколог**

**Особая
специализация:**
- УЗИ груди
- УЗИ беременных
- Амбулаторные операции

**Carolastrasse 1, 09111 Chemnitz
Tel.: 0371-6751781
Fax: 0371-6751779**

**Интеграционный
центр «Глобус»
ПРИГЛАШАЕТ**

**16 декабря
в 14:00 и 17:00**

**17 декабря
в 11:00 и 14:00**

на детский праздник

«Путешествие

в сказку

за ЗОЛОТЫМ КЛЮЧИКОМ»

**Вас ждёт
встреча с любимыми
сказочными героями,
Дедом Морозом и Снегурочкой,
а также подарки, игры,
чудеса и сюрпризы.**

**Праздник
будет проходить по адресу:
Begegnungsstätte
Max-Müller-Straße 13,
09123 Chemnitz
Проезд автобусом 52, 53
до остановки Max-Müller-Straße**

**Справки и запись по телефонам:
0371-3556338
0176-54128121**

**ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ГЛОБУС
КЛУБ «ДИАЛОГ»**

ПРИГЛАШАЮТ

15 ноября 2023

в 16:00

на встречу любителей поэзии

**Поэтический вечер
«Серебряный век. Любимое».
Часть вторая.**

**Вечер будет проходить в форме
свободного диалога. Не только ведущий,
но и вы тоже сможете рассказать о
своём любимом поэте что-нибудь
интересное, почитать его стихи.
Приглашаем всех, кто увлекается поэзией.**

**Приходите по адресу:
Theodor-Körner-Platz 13, 09130 Chemnitz
Участие бесплатное.
С собой иметь хорошее настроение
и что-то сладкое к чаю.**

**Издатель:
ИНТЕГРАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР «ГЛОБУС»**

**Редактор: Ирина Константинова
Редколлегия: Галина Шаат-Шнайдер,
Елена Шемякова, Людмила Берибес
Адрес: Theodor-Körner-Platz 13,
09130 Chemnitz
Тел.: 0371-2400596 (Елена Шемякова -
по организационным вопросам)
0176-54128121 (И. Константинова -
по вопросам газеты)
E-Mail: i-z.globus@web.de
iryna-konst@mail.ru
Website: www.globus-chemnitz.de**

Редакция не несёт ответственности за содержание
статей и не всегда разделяет мнение авторов.